

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Г. ЕГОРОВ

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1939

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Прошлое белорусского народа	3
Западная Белоруссия — колония панской Польши	7
Промышленность Западной Белоруссии	12
Белорусские крестьяне под ярмом польских панов	17
Национальный гнет и несправие	27
Борьба рабочих и крестьян против польского гнета	32
К новой жизни!	35

Е г о р о в. Западная Белоруссия

Государственное издательство политической литературы, 1939

Редактор Э. Теумин. Техред. М. Фадеева. Корректора Н. Вифляева и Е. Цветкова
Сдано в набор 3 октября 1939 г. Подписано к печати 5 октября 1939. Уполн.
Главл. № А—18907 № Изд-ва 330. Инд. М/Масс. Тираж 100 тыс. экз. Объем 2¼ п. л.
Формат 84 × 108^{1/32}, 33 тыс. печ. зн. в 1 п. л.

Цена 25 коп.

18 типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10. Зак. 1232.

17 сентября, на рассвете, части героической Красной Армии по решению правительства перешли польскую границу и вступили на территорию Западной Белоруссии.

Великий советский народ протянул руку помощи своим единокровным братьям — белоруссам, брошенным на произвол судьбы незадачливым польским правительством. Население Западной Белоруссии с восторгом и ликованием встречало части Красной Армии.

Бойцов обнимали, осыпали цветами, встречали хлебом и солью. Вступление частей Красной Армии превращалось во всенародный праздник. «Этого часа мы ждали 20 лет!», «Спасибо товарищу Сталину за наше освобождение!», — заявляли встретившие бойцов жители Западной Белоруссии.

ПРОШЛОЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

История белорусского народа уходит в далекие века. Еще в незапамятные времена пришли вместе с другими русскими племенами предки белорусского народа — кривичи, дреговичи и древляне в долины рек Днепра, Двины, Березины, Немана и Припяти. Они основали здесь ряд древнейших в Европе поселений и городов: Туров, Полоцк, Гродно, Минск и др. Здесь скрещивались торговые пути «из Варяг в Греки» и с Востока в Европу, поэтому города быстро росли. На территории Белоруссии возникли княжества Турово-Пинское, Полоцкое и Смоленское. Когда Русь подпала под татарское иго и не могла противостоять иноземным нашествиям, Белоруссию в XIII веке покорил Литва. Однако население Белоруссии попрежнему тяготело к более высокой русской культуре, и литовским князьям, как позднее и польским панам, не удалось насадить здесь свои обычаи и культуру.

В 1386 г. полякам удалось обманом и хитростью присоединить к себе Литву. Иноземный гнет и преследования коренного населения все усиливались. Началась насильственная полонизация. Земли захватывались польскими панамми.

Чтобы окончательно установить и закрепить польское господство, Сигизмунд II собрал в 1569 г. Люблинский сейм, на котором была подписана уния, т. е. провозглашено соединение Великого княжества Литовского с Польшей. Литовское княжество потеряло остатки своей независимости и было прибрано к рукам польскими феодалами. Это был один из самых тяжелых периодов в истории белорусского народа. Огнем и железом польские паны и иезуиты пытались ополячить белорусский народ, насадить католицизм, польский язык и обычай.

Огромные налоги, поборы и повинности разоряли крестьян, превращали их в нищих. Паны смотрели на крестьян, как на рабочий скот. Они и называли крестьян «быдло». Вот что пишет историк об угнетении белорусского народа в XV и XVI столетиях: «Если пан разгневется за что-либо на своего подданного, то он его выпорет, ограбит и выгонит из дома, а иногда и отнимает у него даже хлеб, так что крестьянин с женой и детьми не имеет и в рот что положить. Подданные справляют тяжелую повинность ежедневно. За все и везде дай пану. Для пана работают пять дней, а шестой для себя; почти везде работают и воскресенья». Однако польским панам и ксендзам не удалось сломить белорусский народ. Веками, упорно и героически отстаивал он свое право на родной язык, обычай и культуру. Неоднократно восставал белорусский народ против своих вековых угнетателей. Еще при Василии III, в 1507 г. произошло восстание Михаила Глинского, на помощь которому поспешили русские войска. Восстания против польских помещиков происходили и в XVI веке (Наливайко) и в XVII веке (Галота) и др.

В 1648 г. под руководством Богдана Хмельницкого развернулась борьба украинского народа против польских панов. В Белоруссию пришли отряды украинских казаков — «гайдамацкие загоны». Белорусские крестьяне встречали их с радостью и вместе с ними выступали на борьбу против польских помещиков и ксендзов. Отряды Головацкого, Небабы, Михненко, Гаркуши и многих других

жгли помещичьи имения и костелы, уничтожали панов, ксендзов. Восстаниями была охвачена вся Белоруссия.

Михненко, человек выдающейся храбрости, объединил крестьянские отряды, которые под его руководством вели отчаянную борьбу против польских отрядов в районе Мозыря. В конце 1648 г. польские паны отправили против Михненко 35-тысячное войско под командованием князя Януша Радзивилла. Соединившись около Пинска с отрядами, разбитыми восставшими, войска Радзивилла осадили отряды Михненко в городе Мозыре. Восставшие построили укрепления из ледяных глыб и деревянных срубов. Они героически защищались. Но войскам Радзивилла вследствие огромного численного превосходства удалось прорваться в город. Защитники города не хотели сдаваться в плен живыми. На улицах города завязался ожесточенный бой. Восставшие засели в домах, и панское войско не могло их оттуда выбить. Радзивилл приказал поджечь город. В дыму и в огне герои продолжали защищаться. Многие погибли в реке Припяти, к которой они были оттеснены поляками. Израненный Михненко был взят в плен и по приказу Радзивилла сброшен с высокой башни замка. Отважные защитники города погибли в неравном бою. Город был разрушен.

Восстания крестьян вспыхнули и в других местах Белоруссии — Бобруйске, Речице и др. Они были жестоко подавлены. Однако воля белорусского народа к борьбе с польским игом не была сломлена.

Ненависть белорусского народа к польским угнетателям была столь велика, что во время русско-польской войны XVII века один из руководителей польской армии доносил королю: «Города (белорусские) явно угрожают возмущением, а другие наперерыв сдаются... Мужики молят бога, чтобы пришла Москва».

В конце XVIII века Польша была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. С тех пор территория Западной Белоруссии входила в состав России. Но белорусский народ не избавился от ига польских помещиков, которые вместе с русскими помещиками и царскими чиновниками жесточайшим образом его угнетали. Белорусские крестьяне страдали под ярмом крепостного права. Польские помещики в XIX веке «сдавали в наем» тысячи своих крепостных крестьян подрядчикам, особенно на дальние земляные работы. Деньги за работу

получал помещик, а крестьянин работал только за то, что его кормили впроголодь и недоброкачественной пищей. Нищета белорусских деревень была ужасающей. Даже царский чиновник вынужден был следующим образом охарактеризовать жизнь белорусских крестьян: «Крестьяне почти не знают хлеба, питаются грибами и разными сырыми веществами, порождающими болезни. Нищета страшная, а рядом роскошь помещиков... Помещики обременяют крестьян чрезмерными работами, истязают бесчеловечно, невзирая ни на возраст, ни на пол, ни на болезненное состояние».

Никакое угнетение, эксплуатация не смогли сломить белорусский народ. В 1863 г. в Белоруссии вновь вспыхнуло восстание крестьян. Вооруженные косами и топорами крестьяне жгли помещичьи усадьбы, убивали помещиков и офицеров. Восстание было задушено войсками генерала Муравьева-вешателя. Погиб на виселице и руководитель восстания Кастусь Калиновский.

Тяжка была доля белорусского бедняка. Об этой доле поэт Некрасов писал:

... Волосом рус,
Видишь, стойт, изморожен лихорадкою,
Высокорослый, больной белорусс:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колени стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня-в-день налегала весь век...
Ты приглядиись к нему, Ваня,
внимательно.
Трудно свой хлеб добывал человек!

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла белорусскому народу пути к свободному развитию.

В 1917 г. белорусский народ поднялся вслед за своими русскими братьями против своих вековых угнетателей — польских помещиков и царских сатрапов.

1 января 1919 г. сформировалось Временное рабоче-крестьянское правительство, провозгласившее создание Белорусской Советской Социалистической Республики. Вскоре был созван первый съезд советов Белоруссии, на котором было принято решение об объединении Белорусской Советской Республики с Литовской Советской Республикой. В начале марта 1919 г. в Вильно состоялся

съезд советов обеих республик. Центром объединенной Литовско-Белорусской Республики был город Вильно.

В апреле 1919 г. польские паны, воспользовавшись тем, что главные силы Красной Армии вели борьбу против Колчака и Юденича, неожиданно напали на Вильно и захватили не только Западную Белоруссию, но и ряд городов, находящихся на территории Восточной Белоруссии, как, например, Минск и др.

Жестоко расправились белополяки с белорусским народом, осмелившимся провозгласить свою независимость. Целые деревни сжигались, крестьяне расстреливались сотнями. В городах и селах паны устраивали дикие погромы. Но господство белополяков на территории Белоруссии было непродолжительным. Разгромив Колчака и Юденича, Красная Армия 11 июля 1920 г. изгнала польские войска из Минска. Была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика.

Незабываемую услугу белорусскому народу оказали товарищи Фрунзе, Ворошилов, Каганович, которые были организаторами борьбы с белополяками. Исключительно велика роль товарища Сталина, лично приехавшего на западный фронт, чтобы подготовить окончательный разгром польской армии. Героическая Красная Армия развернула контрнаступление по всему западному фронту.

В войне 1920 г. белополяки потерпели поражение. В результате контрнаступления Красной Армии они вынуждены были отказаться от своих планов захвата Советской Белоруссии и Советской Украины и ограничиться западными областями Белоруссии и Украины.

Двадцать лет господства польских панов на территории Западной Белоруссии были кошмаром для белорусского народа. С еще большей свирепостью, чем царская полиция, расправлялась польская охранка и жандармерия с свободолюбивым белорусским народом. Страна, превращенная в колонию польского финансового капитала, управлялась при помощи нагайки, пыток и виселиц.

ЗАПАДНАЯ БЕЛОРУССИЯ — КОЛОНИЯ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ

В освобожденной Красной Армией из-под ига панской Польши Западной Белоруссии живет 3 млн. наших единокровных братьев белоруссов. Западная Белоруссия была в административном отношении разделена на Полесское,

Новогрудское, Виленское и Белостокское воеводства. Но и за границами этих воеводств есть белорусское население.

Западная Белоруссия — отсталая аграрная страна. Городское население составляет менее одной десятой всего ее населения. Но такой Белоруссия стала вследствие хищнического хозяйничания польских панов.

Западная Белоруссия обладает значительными природными ресурсами. Здесь имеются богатейшие леса, в том числе Августовский лес и знаменитая Беловежская пуца, где сохранились редкие представители вымирающих животных — зубров. Леса богаты строительными породами и могут стать мощной базой для развития лесопильной и деревообделочной промышленности.

Полезные ископаемые Западной Белоруссии почти не исследованы. Но уже то, что мы знаем о природных богатствах Западной Белоруссии, дает основание предполагать, что она имеет перспективы не только для расцвета сельского хозяйства. На Новогрудской возвышенности найдены фосфориты. В южной части Западной Белоруссии, в бассейне Немана и Буга, есть мел, который образует в долинах рек целые горы. Имеются залежи болотной железной руды, на которой до империалистической войны 1914—1918 гг. в Налибоцкой пуце работал завод. В ряде мест Западной Белоруссии найдены залежи высококачественных гончарных глин, бурого угля, торфа, глауконитовых песков (сырье для стекольной промышленности).

Западную Белоруссию орошают реки Неман, Припять, Нарев, Двина, Днепр и др. Большинство этих рек судоходны. Наличие множества рек открывает большие перспективы для использования гидроэнергии — «белого угля».

Восточная и средняя части Западной Белоруссии являются непосредственным продолжением Белорусской ССР. На северо-востоке тянется полоса озерного ландшафта, простираясь на юг до Августова, Вильно и Докшиц. На северо-западе она доходит до Литовской низменности. К юго-востоку расположены несколькими вытянутыми пятнами большие песчаные пространства, покрытые лесными массивами. В центральной части ряд возвышенностей. Наиболее значительная тянется от Вильно до Минска (Ошмянская возвышенность). Ряд таких же возвышенностей

имеется по южному берегу Немана. Юго-восточная часть края имеет однообразный и характерный ландшафт — полесский. Огромные равнинные пространства нарушаются изредка дюнными образованиями. В пониженных местах травяные болота. Лесистость в этой полосе наибольшая (до 40—50%), плотность населения наименьшая (15—20 человек на 1 кв. км). Климат Западной Белоруссии несколько теплее и мягче климата БССР. Годовые амплитуды составляют для Западной Белоруссии 22—24°. Западная Белоруссия лежит у пределов зоны с непостоянным снеговым покровом, характерным для северо-западной Европы. Часты и обильны осадки. В Западной Белоруссии распространены смешанные лиственные леса. В фауне лесов обычны дикий кабан, дикая коза, бурый медведь. Из редких млекопитающих встречается по рекам Ясельде и Шаре бобр. Западная Белоруссия исключительно аграрная страна. Сельское хозяйство ее на низком уровне.

Главные города Западной Белоруссии были основаны русскими племенами еще в незапамятные времена. За 20 лет господства польских панов эти города пришли в страшный упадок.

Вот краткая характеристика главных городов Западной Белоруссии, освобожденных Красной Армией.

Гродно — лежит на берегах судоходного Немана, который делит город на две части. Основная часть города — центр находится на правом, высоком берегу реки.

На северо-востоке от Гродно находится Гродненская пуща.

Название Гродно происходит от древнерусских слов: городно, городской. Первые сведения о Гродно относятся к 1128 г. Гродно упоминается в летописях как город, принадлежащий русскому князю Всеволоду Давыдовичу, имевшему там свою резиденцию. С 1795 г. Гродно окончательно становится русским городом, а спустя шесть лет получает права губернского города.

Будучи русским губернским городом, Гродно заметно вырос. К началу первой империалистической войны количество жителей достигло 56 тыс., из которых три четверти составляли евреи и белоруссы, поляков было только 8%.

После образования Польши значение Гродно уменьшилось — он стал уездным центром Белостокского воеводства. В 1921 г. там осталось только 35 тыс. жителей.

В последующие годы население несколько увеличилось — там жило примерно около 50 тыс. человек.

Гродно — торговый город. Предметы его торговли — сельскохозяйственные продукты и лес, сплавляемый вниз по Неману в Балтийское море.

Промышленность развита слабо. На первом месте — табачные фабрики, затем винокуренный завод, мыловарня. Прочая промышленность носит кустарный характер. Здесь много ремесленников, работающих в маленьких мастерских и на дому.

Во время польского господства Гродно был военным городом. Здесь стояли большие соединения войск. Крепость, построенная еще в конце прошлого столетия русским правительством, была превращена поляками в форпост на случай войны против СССР.

Гродно — крупный железнодорожный узел. Здесь перекрещиваются дороги: Сувалки — Мосты и Вильно — Белосток — Варшава.

К числу освобожденных Красной Армией городов принадлежит и город Вильно. Этот город в 1920 г. был захвачен бандами польского генерала Желиговского. Литовский народ никогда не признавал этого захвата. До мировой войны 1914—1918 гг. здесь были развиты кожевенная, деревообделочная и чулочная промышленность. Поляки сознательно разрушали промышленность города Вильно. Они вывезли отсюда в варшавский район многие кожевенные предприятия. Многие виленские предприятия (завод замков «Феликс»; завод кос, чугунолитейный завод, проволочно-гвоздильный и другие) были поляками закрыты.

Новогрудок — город основан в начале XI века русскими князьями. Во время Северной войны он был разрушен, а после пожара 1751 г. превратился в местечко.

Хозяиничание поляков лишило Новогрудок элементарных культурных учреждений. Здесь не было даже радио.

В Новогрудке насчитывается 12 тыс. жителей. 99% населения белоруссы, имеется кустарная промышленность; был центром Новогрудского воеводства.

Пинск — древний белорусский город, о нем упоминается еще в летописи Нестора, относящейся к 1097 г. Пинск расположен на реке Пине, впадающей в приток Днепра — Припять. Местность низменная и сильно заболоченная. Здесь простираются знаменитые Пинские болота.

Несмотря на неоднократные нашествия литовцев, татар, поляков, шведов, Пинск быстро рос как торговый центр, ибо был выгодно расположен. С 1795 г. Пинск стал русским городом. Он играл большую роль как крупный центр торговли хлебом. Через Пинск шли грузы (хлеб, лес, сало и т. д.) по железной дороге и судоходным рекам в Мемель, Данциг и Кенигсберг. Во время польской оккупации Пинск потерял свое значение торгового и транспортного центра. Сейчас город насчитывает 36 тыс. жителей. Из Пинска начинается водный путь вниз по Пине, Припяти и Днепру до Киева; проходит большая железнодорожная магистраль. Промышленность Пинска — главным образом лесопильные и пищевые предприятия.

Брест-Литовск один из древнейших славянских городов. Уже в 1015 г. киевский князь Святополк находил здесь убежище. Это — крупный транспортный узел, известен как военная крепость. Во время империалистической войны был разрушен.

Расположенный на скрещении важных железнодорожных и водных путей, город имеет крупное торговое значение. Во время господства поляков культурная и экономическая жизнь города замерла. По переписи 1931 г. в городе насчитывается 48,4 тыс. жителей.

Имеется лесная, пищевая и кожевенная промышленность.

Белосток основан в XIV веке. 105 тыс. жителей. Расположен на реке Белой, притоке Нарева. Город известен как крупный центр текстильной промышленности. До первой империалистической войны в Белостоке насчитывалось около 200 предприятий, главным образом текстильных, два машиностроительных завода, кожевенные и мыловаренные заводы. За время господства поляков промышленность Белостока резко сократилась. Сейчас имеется только 83 промышленных предприятия.

В Белостоке росли кадры белорусского пролетариата. Город имеет большие революционные традиции.

Теперь, после освобождения Западной Белоруссии от господства польских панов, город имеет большую будущность.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Польские правящие круги рассматривали Западную Украину и Западную Белоруссию как свои колонии, которые должны поставлять Польше дешевое сырье, дешевую рабочую силу, служить рынком сбыта для польской промышленности, территорией для колонизации и плацдармом для нападения на Советский Союз.

Официальные представители Польского государства не стеснялись открыто заявлять, что они рассматривают Западную Белоруссию как аграрный придаток к центральной промышленной Польше. По заявлению бывшего польского вице-преьера Квятковского, 80% всех газовых заводов, свыше 80% всех типографий, культурных и санитарных учреждений, 93% всей потребляемой электроэнергии, около 85% железа, свыше 95% чая и кофе, вся угольная, вся металлургическая, 80% текстильной, сахарной, цементной и электротехнической промышленности приходится на центральную Польшу. Все капиталовложения искусственно направлялись в центральную Польшу, а восточные, колониальные области были лишены промышленности. Здесь не строились железные дороги, не проводились телефонные и телеграфные линии. Польские правящие круги боялись, что развитие промышленности в этих районах повлечет за собой рост белорусского пролетариата и усиление его борьбы против ненавистного польского ига.

Польские правители проводили в Западной Белоруссии политику сознательного удушения даже той промышленности, которая существовала здесь во времена царской России. В 1909 г. в Западной Белоруссии насчитывалось девять фабрик с числом рабочих больше 100, а к 1928 году в результате господства польских панов здесь осталось только две таких фабрики.

И на действующих фабриках работа свертывалась, переходили к выработке низкокачественной, дешевой продукции. Так, табачная фабрика в Гродно с количеством рабочих свыше тысячи человек ранее выпускала высокие сорта папирос, а в последнее время она сократила свою продукцию и перешла на выработку одной махорки. Была ликвидирована льнообрабатывающая промышленность, заглохла кожевенная промышленность Виленщины. В кожевенной промышленности Западной

Белоруссии в 1909 г. насчитывалось до трех тысяч рабочих. В результате хозяйничанья польских оккупантов, кожевенная промышленность Вильно сократилась на 50%, а в Белостоке свернулась почти целиком.

Количество рабочих текстильной промышленности Белостока в 1936 г. составило всего 32,5% по сравнению с 1913 г. Если в 1934 г. во всей Польше было выработано 2,5 млн. *квт-ч* электроэнергии, то на Западную Белоруссию пришелся всего 1% выработанной электроэнергии. В 1938 г. в Польше было выработано 2 660 млн. *квт-ч* электроэнергии, из них только полпроцента пришлось на восточные воеводства. В Западной Белоруссии запрещалось строить какие-либо предприятия без специального на то разрешения военного ведомства.

Польское правительство «позаботилось» о том, чтобы то жалкое количество продукции, которое выпускала промышленность Западной Белоруссии, не находило сбыта. Так, товары, привозимые из центральных районов Польши, имели льготный железнодорожный тариф. Это преимущество позволяло товарам польских предприятий легко конкурировать с продукцией, производимой на фабриках Западной Белоруссии.

И это являлось одной из причин захирения промышленности Западной Белоруссии.

В 1928 г. в Вильно для нужд фабрик было привезено 556 тонн железа и стали, а в 1932 г. только 50 тонн, т.е. в 10 раз меньше. А готовых металлических изделий привезено лишь в 2,5 раза меньше, чем в 1928 г. Из Вильно увеличивается вывоз старого железа для металлообрабатывающих заводов Польши, чтобы после обработки его опять ввезти в Западную Белоруссию и продать в виде готовых изделий. Виленские винокуренные заводы работают всего несколько дней в неделю, а водочные изделия привозятся из Польши. Для того, чтобы задушить текстильную промышленность Белостока и Белостокского округа, польское правительство увеличивало конкурентоспособность продукции лодзинской текстильной промышленности, поддерживая ее специальной системой поощрительных пошлин. Очутившись на грани банкротства, ряд крупных текстильных предприятий Белостока вынужден был вывезти свои машины в Югославию, Румынию и т. д.

Причина отсталости Западной Белоруссии коренится не только в колонизаторской политике польских панов, но и в отрыве от России, с которой она ранее была экономически тесно связана. Западная Белоруссия оказалась лишенной своих старых экономических связей. Так, например, продукция виленской кожевенной промышленности и белостокской текстильной промышленности (в среднем 90%) всегда шла раньше в районы теперешней Советской Белоруссии и Украины. Все промышленные центры Западной Белоруссии (Вильно, Белосток, Гродно и др.) были связаны железными дорогами и водными путями с крупными промышленными и сельскохозяйственными центрами России. Они зависели от русского сельскохозяйственного сырья, поступавшего из Украины и Белоруссии, от русского рынка, где продукция этих предприятий находила широкий сбыт, от русского оборудования, поступавшего из Петрограда и из других машиностроительных центров России.

Таким образом, экономически эти районы всегда тяготели к России. Захват Западной Белоруссии польскими панами нарушил эти вековые экономические связи.

Со времени образования Польского государства текстильная промышленность Белостока и кожевенная промышленность Виленщины не выходили из кризиса. Продукция даже этой слабо развитой промышленности не находила сбыта вследствие нищенского уровня потребления широких масс, а также вследствие конкуренции польских предприятий и засилия в Польше иностранных фирм, подрывавших польскую промышленность.

Несмотря на то, что Западная Белоруссия богата лесами, источниками гидроэнергии, здесь нет ни крупных деревообделочных предприятий, ни гидростанций. Здесь имеется все необходимое для развития и расширения спичечной промышленности. Однако польское правительство, введя спичечную монополию, закрыло ряд спичечных фабрик в Западной Белоруссии.

Отсталая в промышленном отношении Польша не была в состоянии использовать природные ресурсы Западной Белоруссии. Для развития деревообделочной, лесной и мебельной промышленности нужны были современные машины. А всем известно, что машиностроительная промышленность Польши была развита весьма слабо. По тем же причинам тормозилось развитие таких

отраслей промышленности, как льнообрабатывающая, сахарная и др. Все эти отрасли промышленности, так же как и сельское хозяйство Западной Белоруссии, могли развиваться, только опираясь на мощную промышленность центра и юга СССР. Неудивительно, что они хирели, будучи искусственно лишены своих естественных экономических связей, не говоря уже о сознательно проводившейся польскими правящими кругами политике удушения промышленности на восточных окраинах Польши.

Уровень жизни белорусского рабочего был сведен до уровня колониального рабочего, китайского кули. Средняя зарплата рабочего Новогрудского воеводства составляла всего 35% зарплаты польского рабочего Варшавского воеводства. Зарплата рабочего Виленского воеводства составляла не более 45%, а рабочего Полеского воеводства не более 56% зарплаты польского рабочего. На предприятиях не существовало никакой охраны труда. Рабочий день длился 12 и даже 14 часов. Вот что пишет о своей жизни один белорусский рабочий:

«Работаю в аду. На заводе можно работать только при наличии сухой погоды. В такие дни работают с 6 часов утра до 7 часов вечера. Это все в летнее время. Зимой хуже. Тогда за целый день работы получаем от 70 до 80 грошей, так как работаем сдельно, получая по 75 грошей от каждой тысячи кирпича. Зимой при самом сильном желании больше тысячи не сделаешь, ибо кирпич срастается со льдом и хоть зубами его грызи. Чтобы прожить на 3—4 злотых в неделю, нужно быть святым. К тому же и эту нищенскую зарплату выплачивают нам не сразу, а в рассрочку. И поэтому неудивительно, что жена с детьми вынуждена зимой отправляться в город собирать милостыню. Живем все при заводе. Но если бы вы посмотрели на эти дыры... Собаки в городе, наверное, сидят в лучших конурах. Эти «салоны» не покрыты крышами, и ночью в дождливую погоду рабочие после целого дня работы имеют «удовольствие» пользоваться охлаждающим душем. Еще хуже, когда по соседству с квартирами расположены конюшни и через дыры в квартиры проникает лошадиный помет.

Рабочих, являющихся членами профсоюза, фабрикант на работу не принимает. Инспектор труда никогда к нам не заезжает, так что об условиях нашей работы он

ничего знать не может. Рабочие из-за боязни потерять работу вынуждены молчать».

Пожалуй, нигде в Европе не было такой жестокой эксплуатации рабочих и такой отсталой техники производства, как в Западной Белоруссии. Что можно сказать об уровне жизни белорусского рабочего, если об уровне жизни польского рабочего, который был значительно выше, известный польский профессор Л. Кржиwickий писал: «Если мы хотели бы найти страну, наиболее близкую по структуре рабочего бюджета к нашей стране, то, как бы это ни казалось парадоксальным, — это бюджет индусского рабочего в Бомбее».

Стоит только сравнить расцвет социалистической промышленности Советской Белоруссии с упадком и гниением промышленности в Западной Белоруссии, чтобы увидеть коренное различие политики советской власти в отношении национальных, прежде отсталых, окраин от угнетательской, колонизаторской политики панской Польши. Если промышленность Западной Белоруссии сократилась за время господства польских панов на 40%, то промышленность Советской Белоруссии с 1913 по 1936 г. выросла в 15,9 раза. Только на крупных предприятиях и транспорте в Советской Белоруссии занято 200 тыс. рабочих против 13 тыс. в 1913 г.

В Советской Белоруссии построены сотни новых, прекрасно оборудованных предприятий. Здесь создана крупная социалистическая индустрия. Из отсталой окраины царской России, где в 1913 г. приходилось на душу населения в 3,5 раза меньше промышленной продукции и в 15 раз меньше электрической энергии, чем в остальной России, Советская Белоруссия превратилась в страну крупнейших заводов машиностроения и станкостроения, в страну крупных химических фабрик, льнозаводов, кожевенных заводов и т. д. Здесь созданы новые отрасли промышленности. За годы только двух сталинских пятилеток в крупную промышленность Советской Белоруссии вложено около 860 млн. руб.

Огромные успехи достигнуты в области электрификации страны. Построена крупная районная электростанция имени Сталина, снабжающая электроэнергией промышленные центры Витебска, Орши и Могилева. Одна эта электростанция выработала в 1937 г. в 33 раза больше электроэнергии, чем все дореволюционные электростанции Белоруссии вместе взятые. Построены де-

сятки заводских и городских электростанций. Мощность электростанций в 1936 г. в 16,3 раза превысила их мощность в 1913 г. Развились и выросли города Советской Белоруссии, превратившиеся в большие индустриальные и культурные центры.

И все это результат братской помощи белорусскому народу со стороны своего старшего брата — русского народа, результат мудрой сталинской национальной политики.

БЕЛОРУССКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ПОД ЯРМОМ ПОЛЬСКИХ ПАҢОВ

Особенно тяжелым было положение белорусского крестьянина в Польше. Большую часть земель, угодий захватили польские помещики. Если во всей Польше, являвшейся страной крупного помещичьего землевладения, 16 тыс. помещиков владели 44,8% всей земли, то в Полесье помещики владели 73—80% всей земли.

По данным переписи 1921 г., 856 помещиков в Полесье владели 1658019 га земли, тогда как 81 тыс. крестьянских хозяйств, с площадью меньше 5 га, имели всего 287 тыс. га земли. Князю Радзивиллу принадлежало в Полесье имение «Давидгрудок» размером в 170 тыс. моргенов.

На одно помещичье хозяйство в Польше в среднем приходилось 700 га земли. Подавляющее большинство крестьян владело крохотными участками земли, не превышавшими 5 га. 65% всех крестьянских хозяйств — бедняцкие хозяйства, 24% — середняцкие. Кулацкие хозяйства составляли 10—11% общего числа всех хозяйств.

83% всей лесной площади в Польше находилось в руках помещиков, церкви и государства. Практически это означало, что крестьянин не имел возможности сменить сломанную оглоблю, починить свой забор, телегу, ибо каждую хворостинку нужно было покупать у помещика. За каждое вырубленное дерево, за сбор ягод в лесу помещика без соответствующего оплаченного разрешения крестьянина штрафовали.

Крестьяне Западной Белоруссии имели очень мало земли. Но и эта земля была самая худшая. Наиболее удобные и плодородные земли принадлежали помещикам. Бичом крестьянского хозяйства была чересполосица. Межа занимала иногда до 10% пашни. ~~Уничтож~~

крестьянские хозяйства, в которых земельные участки величиной в 10 моргенов были разбиты на 100 клочков, разбросанных в радиусе до 5 км.

Победа рабочих и крестьян в России не могла не оказать своего влияния на трудящиеся массы Польши. Крестьяне Западной Белоруссии отлично знали, что по ту сторону границы, в Советском Союзе, помещичья земля конфискована и объявлена собственностью народа. Крестьянство Польши, задыхаясь от малоземелья, требовало раздела помещичьих земель. Боясь революции, польские правящие круги вынуждены были в 1920 г. принять закон о так называемой «земельной реформе». На деле «земельная реформа» привела к еще большему закабалению белорусского крестьянства. Крестьяне не получили ни одного клочка земли без выкупа. А помещик получил возможность при посредстве государственного банка очень выгодно продать часть своей земли. Землю приобретали те, у кого имелись сбережения, т. е. кулаки. 70% всей земли, проданной, согласно «реформе», через государственный сельскохозяйственный банк, попало в руки кулаков. Помещики и спекулянты взвинтили цены на землю. В конце 1928 г. цены на землю достигали от 3 300 до 6 600 злотых за гектар. Ясно, что бедняк и середняк не могли заплатить таких денег за землю. Малоземельным крестьянам досталась только очень небольшая часть земли, проданной в порядке «реформы», но из-за нее они влезали по уши в долги, которые они должны были выплачивать десятилетиями.

В целях подавления белорусского и украинского населения в южных и восточных окраинах бывшего Польского государства насаждалось так называемое «осадничество». «Осадниками» назывались польские колонисты — сыновья польских кулаков, бывшие офицеры, унтер-офицеры и т. д., которым предоставлялись земли на восточных окраинах. Они должны были колонизировать эти земли, шпионить за белорусскими крестьянами, подавлять малейшее сопротивление гнету польских помещиков и властей. Отбирая у белорусских крестьян землю в пользу «осадников», польские правящие круги стремились обезопасить восточные границы, отеснив от границ недовольное белорусское крестьянство, обращавшее свои взоры в сторону Советского Союза. Уже к 1934 г. польские власти поселили на украинских и белорусских землях (Воынь и Полесье) около 8 тыс. воен-

ных колонистов, предоставив им 142 681 га земли. Эти военные поселения являлись опорными пунктами польского правительства в Западной Белоруссии. Наряду с помещиками «осадники» фактически распоряжались не только имуществом и землей белорусских крестьян, но и их жизнью.

Польский помещик в Западной Белоруссии был настоящим царьком. Вместе с ксендзом и полицейским чиновником он творил суд и расправу над крестьянами. Пользуясь монополией на землю, польский помещик делал с крестьянином, что хотел. Помещик захватил все луга, крестьянину негде было пасти скот, и он должен был идти на поклон к пану просить разрешение пасти скот на помещичьем лугу, а потом отработывать за пользование пастбищем. За право пасти одну голову скота с мая по ноябрь на помещичьем пастбище крестьянин отработывал 35 дней. Помещик захватил все леса, крестьянин вынужден был отработывать на панском поле за каждое срубленное дерево. Иногда количество отработываемых крестьянином дней составляло 109 дней в году (Городенский уезд). Граф. Замойский 95% своих лугов убирал при помощи отработок. Помещик отрывал крестьянина в самую горячую пору, во время сенокоса или уборки урожая, для работы на своих полях. Отработками крестьяне оплачивали и аренду земли. За клочок арендованной земли крестьянин должен был расплачиваться частью своего урожая. В Барановичском, Косовском и Столбцском уездах помещики забирали у арендаторов 60—65% чистого сбора урожая. Гнет помещиков и кулаков в Западной Белоруссии был еще более жестоким, чем в центральных областях бывшей Польши.

В селе Кобыльники крестьяне рассказали красноармейцам, что помещик установил у них такое правило: упадет крестьянское ведро в колодец — штраф 5 злотых, закрипит колесо повозки и нарушит помещичий покой — штраф 7 злотых. Помещик мог избить крестьянина до полусмерти, мог отобрать его землю, имущество в уплату за долги, и все это оставалось совершенно безнаказанным.

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств Западной Белоруссии или совсем не имело или же имело по одной лошади. В этом отношении Польша оставила позади себя даже царскую Россию. Если раньше в русской деревне процент безлошадных хозяйств составлял

29,2, однолошадных — 30,3, то в Полесском воеводстве Западной Белоруссии процент безлошадных хозяйств составлял 34,7, а однолошадных — 50,9; в Белостокском — 23,4 и 48,5; в Виленском — 28,0 и 48,2; в Новогрудском — 28,1 и 62,1. Если в царской России безлошадные и однолошадные крестьянские хозяйства вместе составляли 59,5% всех хозяйств, то в Западной Белоруссии, в Полесье процент этих хозяйств составлял 85,6, а в Новогрудском воеводстве — 90,2. Однолошадные хозяйства в большинстве своем имели жалкую, полуголодную клячу. Для того чтобы засеять свой клочок земли, однолошадный крестьянин должен был припрягать наемную лошадь, расплачиваясь за это отработкой помещику и кулаку.

Огромный процент крестьянских хозяйств в Западной Белоруссии не имел и коров. В Белостокском воеводстве 13,1% хозяйств были бескоровными, 12,5% имели одну корову, но не имели лошади. В Полесском воеводстве 15% хозяйств не имели коровы, 15,8% хозяйств имели одну корову, но не имели лошади. Примерно так же обстояло дело в Виленском и Новогрудском воеводствах.

У безлошадных и бескоровных крестьян была одна дорога — итти в кабалу к помещику и кулаку.

80% всех крестьянских хозяйств влачили нищенское существование, их не мог прокормить жалкий клочок земли, который являлся их «собственностью». Эти крестьяне вынуждены были искать заработка на стороне, у помещика и кулака. Даже польская газета «Час» вынуждена была признать, что «в деревне возникает слой новых полупролетариев. Они как будто бы и имеют землю, однако, как они сами говорят, «больше, чем нужно для того, чтобы умереть, и слишком мало, чтобы жить»».

В Западной Белоруссии не только хозяйства, имевшие до 5 *га* земли, но и значительная часть хозяйств, имевших от 5 до 10 *га* земли, обычно не могли прокормить крестьянскую семью в течение года.

Не только помещичьи хозяйства, но и 420 тыс. кулацких хозяйств пользовались постоянной наемной рабочей силой. Батраки в помещичьих и кулацких хозяйствах были самой эксплуатируемой частью населения Западной Белоруссии. Большую часть своего заработка они получали натурой. Рабочий день их продолжался 14—16 часов, а летом — даже 20 часов. Зарплата батраков в Западной Белоруссии часто не превышала смехотворно

низкой суммы — 60—90 злотых в год. В Западной Белоруссии в некоторых помещичьих имениях существовали такие порядки: после смерти отца-батрака дети не могли покинуть имение до истечения срока договора.

Влача жалкое, полуголодное существование, крестьяне Западной Белоруссии были опутаны долгами. Не имея весной семян, сельхозинвентаря, лошади, крестьянин должен был кланяться в ноги помещику, кулаку или же просить денег взаймы у ростовщика. Кулаки и ростовщики давали ссуду под огромные проценты. Сплошь и рядом за 1 *ц* ржи крестьянин должен был уплатить 2 *ц* ржи, а то и больше.

Крестьяне Польши были задавлены всякого рода налогами. От 40 до 50% всего валового дохода крестьянина должно было идти на уплату налогов и всякого рода поборов. Сумма налогов, взимавшихся с крестьян в Польше, была в 5—7 раз больше, чем в свое время в царской России. В Польше насчитывалось свыше 100 всяких налогов и сборов. Особенно обременительными были поземельный налог, «уравнительный налог» (на покрытие самоуправленческих дефицитов), церковный налог, дорожный, подоходный и т. д. Чтобы уплатить все налоги, крестьянин часто должен был продавать свой скот и инвентарь. За несвоевременную уплату налогов начислялись высокие пени. Если крестьянин не в состоянии был уплатить налог, то к нему являлись судебные исполнители, полиция, которые описывали его имущество и отбирали последний хомут, последний скудный скарб. Кроме налогов существовала система отбывания трудовой повинности, так называемые «шарварки». Крестьяне должны были отрабатывать иногда по 60 дней на дорожной и других повинностях. На этой почве часто возникали крестьянские волнения. Весной 1935 г. произошло столкновение крестьян с полицией в Сувалкском уезде, причем было убито 7 крестьян и много ранено. Крестьяне деревни Живые Воды писали министру внутренних дел: «...в нашей деревне дорожная повинность, считая в днях, составляет 60 дней на каждого хозяина в год, доходя до 109 дней для отдельных крестьян».

В запросе белорусских депутатов министру внутренних дел по поводу газеты «Крыніца» рассказывается, что газета была конфискована за помещение фельетона, в котором было приведено следующее высказывание белорусского крестьянина: «Крестьянина обложили всякими

подателями. Каких только нет подателей! Скоро, вероятно, начнут брать с крестьянина подати за зубы и за волосы, потому что уже больше, кажется, и не за что брать. Дали бы нам земли, а потом брали бы подати. Человек платит подати за соль, сахар, керосин, спички и прочие продукты первой необходимости».

В изданной в 1933 г. Варшавским институтом социальной экономики книге «Письма крестьян» приводится следующее письмо крестьянина Волковысского уезда Белостокского воеводства, ярко характеризующее бесправное положение крестьянства: «В 1927 г., в мое отсутствие, семья посеяла табак для собственного потребления. Прибывший из Гродно агент табачной монополии наложил на меня штраф в тысячу злотых. Старушка мать взяла вину на себя, и ей ввиду ее несостоятельности штраф заменили 50 днями ареста. Мы апеллировали, дело было пересмотрено, и было вынесено новое решение — 12 дней ареста или 240 злотых штрафа. Старушка мать была вынуждена отбыть это наказание».

Крестьянин Виленского воеводства в своем письме, опубликованном там же, описывает налоговый гнет в Западной Белоруссии:

«Промышленных товаров мы потребляем по возможности мало. Налоги, к сожалению, должны быть выплачены до последней копейки, вне всякой зависимости от сезона и состояния хозяйства. Поэтому всегда происходит так, что первый весенний взнос остается неоплаченным до осени. Осенью собираются все налоги, далее тянуть уже нельзя, дело переходит в руки судебного исполнителя, и платить нужно безусловно. Приходится продавать хлеб — продукт своей работы за год, но осенью, как известно, цены на хлеб стоят всегда низкие. Несмотря на это, продаешь, не дожидаясь более выгодных цен.

Наступает весна, и снова требуют уплаты налогов. А тут нет хлеба, купить его не на что — нет заработка. Уплата налогов снова переносится на осень. И так из года в год не удается выравнивать бюджет.

Постороннего заработка нет. А он так необходим. Старая нужда постоянно порождает новую.

Например, живет молодой крестьянин на маленьком клочке земли. Работает в поте лица, но все идет плохо, и он ниоткуда не видит спасения. Постройки разрушаются, крыши протекают. Лошади проданы из-за нехватки

корма. Корова была неплохая, решено было переменить ее на худшую, чтобы таким образом получить немного денег. Корову продали, а купить другую не купили, отложили до другой ярмарки,— может быть, будет лучше. Но сейчас же появляются нужды: необходимо купить штаны, ибо прежние износились, соль тоже вышла, хочется также покурить. И смотришь: ко второй ярмарке из этих денег осталось уже очень мало, так что нехватит даже на самую плохую корову. Делать нечего: займы никто не дает, ибо немало уже взято в долг. И вот остаешься без коровы.* Ничего нет, а долгов много».

Крестьяне Западной Белоруссии пашут землю допотопной сохой. Такие сельскохозяйственные машины, как жатку, сеялку, косилку, можно было встретить только в помещичьих и кулацких хозяйствах.

Нищета крестьянских хозяйств столь велика, что крестьяне возвращаются от металлических орудий к орудиям первобытной эпохи: от плуга к сохе, от железного топора к каменному.

Буржуазная газета «Вечур Варшавски» писала о полеской деревне: «Крестьянин не употребляет больше железных гвоздей, заменяя их всюду деревянными. Он перестает пользоваться железным топором, потому что старый испортился, а на новый нет денег. Когда нужно что-нибудь разрубить, он старается сделать это каменным топором, изготовленным по известному способу доисторической каменной эпохи. Даже зубчатый вал в машине — единственной машиной является здесь соломорезка — делается из твердого дерева. Лошадей никто не кует: жаль железа на подковы. Даже самые маленькие куски железа являются для крестьянина полеской деревни самым дорогим кладом».

При таком положении вещей нечего говорить о приобретении сельскохозяйственных удобрений. Покупать удобрения могли только помещики и кулаки. Земля, обрабатываемая крестьянином, истощалась и не приносила урожая. Нигде, пожалуй, в Европе не было таких низких урожаев, как в Западной Белоруссии. Урожай в 5—6 ц считался средним урожаем, а обычно крестьянин Западной Белоруссии собирал с одного гектара не больше 3,5 ц пшеницы или ржи.

Крестьянина грабили не только помещики и государство, но и крупные монополистические объединения.

Они сильно взвинтили цены на промышленные товары. Так, за плуг крестьянин должен был уплатить 271 кг ржи, за 10 кг соли — 28 кг ржи, за 10 метров хлопчатобумажной ткани — 98 кг ржи и т. д. Крестьянин продает литр молока за 7 грошей, а за стакан чая в харчевне платит 25 грошей, т. е. почти 4 литра молока. Таково несоответствие между промышленными и сельскохозяйственными ценами.

Нищета в белорусской деревне огромная. Потребление крестьян ничтожное. Подавляющее большинство крестьян питается картофелем и капустой. Годовое потребление масла и сахара во многих крестьянских семьях едва достигает 1—2 кг.

Колонизаторская политика панской Польши в отношении Западной Белоруссии ярко характеризуется данными об уровне потребления в отдельных районах бывшего Польского государства.

Потребление продуктов в 1934 г. на человека

	Наименование единицы	Вся Польша	Группы воеводств центральные	восточные
Табак	злот	14,40	13,20	6,72
Сахар	кг	8,94	10,2	4,31
Соль	»	8,44	8,84	8,62
Керосин	»	2,98	3,13	2,34
Железо	»	5,17	4,05	1,59
Уголь	»	383,1	340,9	21,8

Жители Западной Белоруссии потребляли в 2 раза меньше табака, в 2,3 раза меньше сахара, почти в 3 раза меньше железа и почти в 19 раз меньше угля, чем жители остальной Польши. Эти цифры свидетельствуют об ужасающей нищете и полуголодном существовании белорусского населения в Польше. Даже спички и керосин являлись для крестьян недостижимой роскошью. В большинстве крестьянских изб, так же как и столетия назад, горит лучина. Вот как описывает жизнь деревни крестьянин-середняк Островского уезда (Белостокское воеводство): «Уже к новому году в деревнях овины пусты. Хлеб крестьяне едят только после жатвы, потому что сейчас же после уборки весь урожай должен быть продан для уплаты налогов. Мясо едят только по большим праздникам. Яйца, молочные продукты — все идет

на продажу. Продукты нашей промышленности слишком дороги, чтобы мы, крестьяне, могли их покупать... Мы живем почти в первобытных условиях: достаточно пройти по нашим деревенским хатам, чтобы убедиться, что ни в одной из них нет ни часов, ни стола. Нет ни тарелок, ни ложек, все едят из одной миски. Одежда, которую носят днем, служит ночью подушкой или одеялом. На завтрак едят картофель с кислой капустой. В сумерки ужинают — опять картофель... Дорог керосин, поэтому ложатся спать вместе с курами. Дорого оконное стекло, поэтому разбитое окно закрывают старым мешком. Дорога посуда, поэтому дырявый горшок затыкают тряпкой. А так как дороги обувь и одежда, то крестьянин дичает, не показываясь нигде иногда в течение целого года».

Польский сенатор Барановский, выступая в бюджетной комиссии сената, вынужден был следующим образом характеризовать положение в деревне: «Если взять даже не захудалую деревушку на Полесье, а хотя бы первую попавшуюся деревню под Варшавой, то малоземельное крестьянство здесь живет в таких тяжелых условиях, что даже тюремная койка может показаться им привлекательной».

Особенно ужасно положение детей. Они с ранних лет вынуждены заниматься физическим трудом. Постоянное недоедание — источник всевозможных болезней. Смертность среди детей огромна. Тысячи детей лишены возможности посещать школу. Они растут неграмотными, без всякого присмотра. А «счастливы», посещающие школу, приходят туда в таком состоянии, что вряд ли смогут что-либо от школы получить.

Вот что пишет учитель Виленского воеводства:

«Лица крестьянских детей бледно-синеватые. Многие дети одутловаты, с животами раздутыми от картошки, с тонкими, как щепки, ногами. У других, наоборот, ноги толстые, глаза без выражения и мутные, безразличные ко всему, движения вялые». Крестьянин Белостокского воеводства с тревогой пишет: «Детям жалеют капли молока. Я сам видел, как дети в школе падали в обморок, ибо они плохо питаются. Сегодня в деревне половина детей больна чахоткой, ибо они не одеты и голодны. У человека, который смотрит в будущее, сердце разрывается, ибо если так дальше будет, то какой же больной народ вырастет!»

Корреспондент газеты «Курьер Львовский» писал:

«В деревне голодно, как в худшие времена войны. Во многих деревнях свирепствует брюшной тиф, много случаев смертельного исхода, однако никакой врачебной помощи нет. Ужасную картину можно наблюдать в хатах, в которых лежат больные, а здоровым нечего есть. Печи не топятся: нет дров. Для скота и лошадей нет самого простого корма, не говоря уже об овсе и картошке. Наиболее ужасное зрелище представляют собой те крестьянские семьи, где имеется много детей. Я сам видел трех ребят, от года до шести лет, которые имели лишь по одной рубашке, так что во время стирки дети сидели голыми на печке. Одна пара сапог приходится на несколько членов семьи».

Католический журнал «Культура» рассказывал о жизни трудящихся в Западной Белоруссии:

«На Виленщине голодает свыше 100 тысяч людей. Кровь стынет в жилах, когда смотришь на этих несчастных. В избах, лишенных дымоходов и полных удушливой вони, я встречал стариков и детей, опухших от голода, я видел людей, питающихся отрубями, перемешанными с гнилым картофелем, сорными травами, древесной... Спрашиваешь себя: неужели можно наблюдать такие картины в двадцатом веке в центре Европы — в Польше? Увы! Это страшная, скорбная действительность».

Так за 20 лет своего хозяйничанья польские паны довели сельское хозяйство Западной Белоруссии до полного упадка, а крестьянина-белорусса — до последнего предела нищеты.

Совсем по-иному сложились судьбы сельского хозяйства в Советской Белоруссии. На советской земле нет помещиков. Кулачество ликвидировано как класс. Здесь победил колхозный строй. Колхозы получили в вечное пользование 8 млн. га земли. Опираясь на мощную промышленность, колхозы подняли урожайность своих полей. В Советской Белоруссии нередки урожаи по 18 ц (колхоз имени Володарского) и по 23 ц пшеницы с гектара (колхоз имени Кирова Мстиславского района). Сотни колхозов получили урожай по 15—20 ц зерновых, 5—8 ц льна, 150—200 ц картофеля с гектара. Полностью ликвидирована бескоровность колхозников. Многие колхозы выдают на трудодень 3—4 кг хлеба, 8—10 кг картофеля, 3—4 руб. деньгами, корм для скота, овощи.

В Советской Белоруссии имеется 227 машинно-тракторных станций. На полях колхозов и совхозов в 1938 г. работало 8 823 трактора, 1 230 комбайнов, 3 209 тракторных сеялок, 2 860 сложных молотилок.

Вот что было рассказано недавно на страницах «Правды» о жизни одного из многих колхозов Советской Белоруссии:

«Колхоз имени «Белорусского особого военного округа» организован на зыбких Марьинских болотах красноармейцами-отпускниками, батраками, бедняками и середняками близ реки Оресы. Пядь за пядью отвоевывали колхозники землю у болот. Сначала осваивали болота простой лопатой, а потом на болотах появились землечерпалки, тракторы. Руками самих колхозников была устроена узкоколейная железная дорога протяжением в 14 км. И на болотах загорелись огни новой жизни. 1 415 га земли уже отвоевал колхоз у непроходимых болот, рождавших в прошлом голод, колтун, «лихоманку». Отменные урожаи снимает теперь колхоз на болотах: зерновые дают не менее 14,5 ц с гектара.

На бывших болотных топях обосновался новый, благоустроенный колхозный поселок с электростанцией, неполной средней школой, клубом, детскими яслями, родильным домом, больницей, магазинами. Вдоль шоссе выстроились в ряд просторные и светлые дома. Колхоз построил 35 многоквартирных домов. Зажиточно живут колхозники. В прошлом году на трудодень было выдано по 4 кг зерна, 8 кг картофеля, 1,5 кг овощей и 4 фуража.

Денежный доход колхоза в 1938 г. составил чуть не полмиллиона».

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГНЕТ И БЕСПРАВИЕ

Трудящиеся Западной Белоруссии подвергались в панской Польше двойному гнету. Проводилась политика насильственного ополячивания белорусского населения. Польское государство душило всякое проявление национальной белорусской культуры. Когда белорусы пожаловались на то, что их национальную культуру разрушают, закрывают белорусские школы, жесточайшим образом расправляются со всяким проявлением национального самосознания, то они получили следующий ответ министра Скульского: «Заверяю вас, что через 10 лет

в Польше даже со свечей не найдете ни одного белоруса». Виднейший представитель бывшего Польского государства — Владислав Студницкий писал: «Ни о каком белорусском народе не может быть и речи, так как белоруссы не имеют никаких собственных традиций».

Польские власти закрыли почти все белорусские школы. На всю Западную Белоруссию существовала одна единственная белорусская средняя школа и 16 народных школ.

Из 4 654 тыс. детей, обучавшихся в народных школах Польши, всего 2 тыс. детей обучались в белорусских школах. В Новогрудском воеводстве, где поляки составляли менее 25% населения, существовало 93% польских школ и всего 2,5% белорусских. В Полесском воеводстве поляки составляли менее 10% населения, а польских школ там было 94%, тогда как белорусских школ всего 1%.

Отсутствие школ привело к росту неграмотности. В Полесском воеводстве неграмотные старше 10 лет составляют 70%, а в Новогрудском — 60%.

В уже цитированном нами фельетоне газеты «Крыніца» характеризуется следующим образом национальная политика польского правительства: «...Крестьянина держат в темноте, не дают ему хорошей школы. Сколько старались, сколько раз просили белорусскую школу — не давали ее, а польскую школу, несмотря на наши протесты, все-таки открыли. Учителя прислали, и живет он, как волк среди людей, ни с кем не заговорит, ни с ним никто не побеседует. Дети в школе совсем его не понимают и, конечно, не могут ничему научиться. Этот учитель пробыл у нас два года и больше к нам не вернулся, говорят — пошел в гору, неизвестно только за что. Не за то ли, что наших людей унижал и называл хамами. На третий год прислали учительницу. Она взялась усердно за «обучение». Но тоже ничему хорошему не научила детей; она научила их тому, какие короли и святые были в Польше, а какая кому польза от этой науки. О том, где мы живем, кто мы такие и сколько нас, каков край, наш язык, какие у нас песни, обычаи, она не упомянула ни одним словом. Как только учительница услышит среди детей разговор по-белорусски, то кричит на детей, она даже била их за это».

Когда в 1922 г. так называемое «гражданское управление восточных территорий» закрыло белорусские

школы и учительские семинарии, то 240 учителей-белоруссов были отправлены на польские учительские курсы в Краков. Сотни белорусских педагогов, отказавшихся ехать на эти курсы, были лишены работы; их заменили учителями-поляками. Эти «учителя» были набраны из бывших унтеров. Они неистово преследовали все белорусское. Некий Биль избивал белорусских детей, осыпая их ругательствами, и угрожал, что выбьет у них из головы даже воспоминание о родной речи. В запросах белорусских депутатов приводились следующие случаи издевательства: мальчика 13 лет, Юзика Коваленко, учитель бил по голове, пока у него не лопнула барабанная перепонка; девочку 8 лет, Марию Буховец, били до тех пор, пока она не свалилась без чувств на пол, и т. д.

В 1924—1925 гг. начали открываться частные белорусские школы. Дети из польских школ начали переходить в частные белорусские. Тогда школьные инспектора стали облагать родителей штрафами за то, что дети не ходят в польские школы. Несмотря на наказания и преследования, частные белорусские школы продолжали свою работу, даже открывались новые. Тогда администрация закрыла 67 частных белорусских школ, наложила денежные штрафы на учителей этих школ и хозяев домов, где находились школы. Были оштрафованы даже лица, которые ходатайствовали об открытии этих школ. Закрывая белорусские школы, польские власти неизменно приводили один и тот же мотив: «Стоит на низком научном уровне, служит средством коммунистической пропаганды».

Польское правительство всячески препятствовало подготовке белорусской интеллигенции. Учительские семинары, готовившие белорусских учителей, были закрыты.

Положение белорусской интеллигенции — учителей, врачей, юристов, инженеров и т. д. было особенно тяжелым. Их лишали работы и заменяли поляками. Безработица среди белорусской интеллигенции была очень большая. Годами белорусские врачи и учителя не могли себе найти работу.

Белорусский язык был объявлен вне закона. На белорусском языке запрещалось обращаться в правительственных учреждениях, в суде, на почте, на железных дорогах. Даже пение песен на белорусском языке было запрещено.

Национальный гнет в Западной Белоруссии сказался и в том, что польские власти оставили белорусскую деревню без врачебной помощи. Лечебная сеть в Польше вообще была ничтожной. На 7 тыс. жителей польской деревни приходился всего один врач. В Западной Белоруссии один врач приходился на 9 тыс. жителей. Видный польский врач Шимановский заявил на конференции врачей в 1937 г.: «Польская деревня осталась без врача. В этом отношении мы настолько чудовищно отстали, что находимся далеко позади даже по сравнению с довоенной царской Россией, в которой по крайней мере имелись земские врачи и сеть земских больниц».

Белоруссы третировались в Польском государстве как «низшая раса». Им было запрещено занимать государственные должности; они даже лишены были права занимать должность солтысы — деревенского старосты. В армии белоруссы не имели права занимать командные должности. Белорусский рабочий и крестьянин, мобилизованный в армию, подвергался жесточайшим национальным преследованиям со стороны польских унтер-офицеров и офицеров. Он переносил все ужасы палочного режима, господствовавшего в польской армии. По ничтожному поводу солдаты-белоруссы подвергались наказаниям, аресту, избиению и т. д.

Белоруссы не пользовались никакими правами. Польская конституция, принятая в 1935 г., не оговаривала за национальностями, населяющими Польшу, никаких прав. Согласно этой конституции вся молодежь до 25-летнего возраста была лишена активного избирательного права, а пассивным избирательным правом могли пользоваться только лица старше 30 лет. Практически вся молодежь была лишена избирательных прав. Вся власть в государстве принадлежала президенту, который отвечал только «перед богом и историей». Неудивительно, что белорусское население бойкотировало выборы. Во многих деревнях в голосовании принимало участие не больше 5% населения. Правительству приходилось фальсифицировать выборы. Собрания, демонстрации, публичные выступления деятелей белорусского народа были запрещены. Национальные демократические организации всячески преследовались, их деятелей арестовывали, подвергали пыткам, расстреливали.

Не менее тяжелым было и положение многочисленно-го еврейского населения Западной Белоруссии. Польские

власти, церковь, суд проводили ожесточенную антисемитскую политику. В Белостоке, например, дело дошло до того, что существовали отдельные польские и еврейские пекарни, лавки, склады топлива, школы и бани. По некоторым улицам евреям запрещалось ходить. В стране то и дело организовывались еврейские погромы; евреев грабили, убивали, уничтожали их имущество. Волна еврейских погромов прокатилась по стране в 1938 и в 1939 гг. Еврейская беднота, которой был закрыт доступ на производство и в сельское хозяйство, была обречена на голод и вымирание.

Польское правительство проводило свою колонизаторскую «национальную политику» путем жесточайшего террора. Малейшее проявление недовольства подавлялось жесточайшим образом. Время от времени польские власти проводили в Западной Украине и Западной Белоруссии так называемую «пацификацию», т. е. умиротворение крестьянства. Для проведения «пацификации» в деревни посылались польские карательные отряды. Обычно ночью эти отряды окружали деревню, а на улицах выставляли пулемет. Всех жителей сгоняли на площадь и требовали выдачи «коммунистического агитатора». Если по истечении указанного срока «агитатора» не выдавали, то начиналась дикая расправа. Арестовывали каждого пятого. Поголовно пороли все население деревни. Избивали прикладами до потери сознания, пороли розгами, кнутами, нагайками, проламывали череп. После расправы с населением начинался повальный грабеж. Каратели врываются в избы, забирали продовольствие и деньги. Они уничтожали национальные библиотеки, распускали национальные культурно-просветительные организации, сносили с лица земли целые деревни. Они пытались нагайкой и прикладом выбить из головы белорусского крестьянина всякую мысль о национальном самосознании, они хотели таким путем превратить белоруссов в колониальных рабов, потерявших свое национальное лицо, забывших свою культуру и язык.

Естественно, что белорусское население с надеждой взирало на восток, в сторону СССР, где Сталинская Конституция окончательно закрепила за всеми трудящимися, без различия национальностей, право на труд, на отдых и на образование. В Советской Белоруссии — невиданный расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию белорусской культуры. Советская

власть не жалела средств на организацию образования. Ликвидирована в основном неграмотность. Только в 1937 г. на народное просвещение в БССР израсходовано 480 млн. руб. В 1938 г. в БССР насчитывалось 6 998 школ, в которых обучалось 993 290 детей. В БССР в 13,9 раза больше средних школ и в 34,3 раза больше неполных средних школ, чем до революции.

В Советской Белоруссии организовано 22 вуза. В вузах, втузах, техникумах и рабфаках БССР обучается 53 932 студента. 50% студентов обеспечены бесплатными общежитиями.

Растет сеть библиотек, читален и клубов, развивается национальная музыка и песня. Созданы белорусские оперы («Дрыгва», «Михаил Подгорный» и др.). Организовано 12 театров, в том числе белорусский драматический театр в Минске, драматический театр в Витебске, театр оперы и балета. Имеется консерватория, в которой обучается 137 студентов. Расцвело народное творчество.

В Советской Белоруссии издается 197 печатных газет, из которых — 10 центральных, 4 окружных, 6 городских, 73 районных. Общегоодовой тираж печатных газет составлял в 1937 г. 153,2 млн. экземпляров.

БОРЬБА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ПРОТИВ ПОЛЬСКОГО ГНЕТА

Трудящиеся Западной Белоруссии неоднократно восставали против своих поработителей — польских помещиков и капиталистов. Во главе этой борьбы находился белорусский пролетариат. Несмотря на произвол польских предпринимателей и полицейский режим в стране, рабочие не раз бастовали, протестуя против низменной зарплаты, непосильной работы, антисанитарных условий труда. Нередко стачки принимали политический характер, рабочие выдвигали лозунги свержения существующего ненавистного режима. Особенно упорный характер носила стачечная борьба рабочих в Белостоке — главном промышленном центре Западной Белоруссии. Так, например, в марте 1932 г. на текстильной фабрике Бекер вспыхнула забастовка в ответ на попытки предпринимателей снизить зарплату. Дирекция ответила локаутом. Было уволено около 400 рабочих. Взамен уволенных дирекция начала нанимать штрейкбрехе-

ров. Произошло столкновение между бастующими и полицией, которая окружила фабрику. На следующий день в Белостоке была объявлена однодневная забастовка протеста в знак солидарности с бастующими рабочими фабрики Бекера. Забастовка охватила все предприятия Белостока: кожевенные, металлические и текстильные.

В первой половине 1933 г. снова вспыхнула забастовка белостокских текстильщиков, протестовавших против снижения зарплаты. Забастовка длилась 3 месяца.

В июле 1933 г. в Белостокском текстильном районе произошли кровавые столкновения бастующих рабочих с полицией. В Песчаниках рабочие выгнали группу штрейкбрехеров с фабрики. В Супрасле во время демонстрации текстильных рабочих демонстранты забросали отряд полиции камнями. Полиция дала залп в толпу, убив двух рабочих и ранив четырех. В схватке было ранено десять полицейских.

В январе 1934 г. в Белостоке была объявлена забастовка протеста против введения принудительного арбитража и ликвидации социального законодательства. Одновременно это была забастовка солидарности с бастующими в Лодзинском округе.

12 сентября 1937 г. снова вспыхнула всеобщая забастовка текстильщиков в Белостокском районе, охватившая все текстильные фабрики. Текстильщики требовали повышения зарплаты и заключения нового колдоговора.

В 1932/33 г. вспыхнула забастовка лесных рабочих в Беловежской пуце. Она охватила 4 тыс. рабочих и 3 тыс. окрестных безземельных и малоземельных крестьян, занятых на вывозке леса. Рабочие требовали увеличения зарплаты на 50%, 8-часового рабочего дня, страхования на случай безработицы и т. п. Они добились частичного удовлетворения своих требований. 27 ноября 1933 г. забастовка лесных рабочих вспыхнула снова, охватив 6 тыс. рабочих Белостокского воеводства. Вслед за рабочими Белостокского воеводства бросили работу лесные рабочие в Слонимском уезде. Всего бастовало 8 тыс. рабочих. Рабочие требовали увеличения зарплаты, права бесплатного сбора ягод и грибов, выдачи леса на топливо. Эти забастовки носили также политический характер. Рабочие протестовали против закрытия профсоюза лесных рабочих, против арестов руководителей забастовки, против террора. Были созданы комитеты солидарности с забастовавшими

рабочими. Все окрестное население поддерживало бастующих рабочих.

Забастовки происходили и на кожевенных предприятиях Вильно. Польская жандармерия жестоко расправлялась с забастовщиками. Рабочих арестовывали десятками и сотнями, их пытали, гноили десятилетиями в тюрьмах. Многие рабочие были освобождены из тюрем только частями Красной Армии, пришедшими на помощь братьям-белоруссам.

Массовый характер носило и крестьянское движение. Крестьяне неоднократно различными средствами вели борьбу против помещиков и польских оккупантов. Они поджигали помещичьи усадьбы, рубили помещичьи леса, захватывали помещичий скот и инвентарь, оказывали сопротивление судебным исполнителям и сборщикам налогов, устраивали голодные демонстрации, вступали в столкновения с полицией.

В 1933—1934 гг. белорусские рыбаки провели героическую борьбу за право ловли рыбы на озере Нарочь.

В Кобринском уезде белорусские крестьяне поднимались на защиту своих братьев-украинцев Галиции, восставших против польского гнета.

Осенью 1936 г. крестьянская забастовка распространилась на ряд уездов. Крестьяне прекратили подвоз продуктов в города, расставили свои посты, избивали штрейкбрехеров. Крестьяне требовали повышения цен на сельскохозяйственные продукты, отмены административных штрафов, снижения налогов и т. д.

В августе 1937 г. вспыхнула всеобщая 10-дневная крестьянская забастовка, охватившая всю Польшу. Активное участие в ней приняли белорусские крестьяне. В Белостокском воеводстве бастовало 90% всех крестьян. Польская жандармерия начала жестоко расправляться с забастовщиками-крестьянами. Это вынудило крестьян принять меры самообороны. Крестьяне строили баррикады, разрушали мосты, телефонную и телеграфную связь. Происходили вооруженные столкновения крестьян с полицией. Насчитывались сотни убитых и раненых.

В Западную Белоруссию, как и в Западную Украину, были посланы польские карательные отряды, которые жестоко расправились с восставшими. Орды усмирителей носились по белорусским деревням, наводя ужас на беззащитное население. Зверства польских карательных отрядов в белорусской деревне не поддаются описанию.

Они превзошли даже зверства царских опричников. Как в свое время царский министр в ответ на запросы в Думе о Ленском расстреле 1912 г. заявил: «Так было, так будет!», так же и польский премьер-министр Славой-Складковский заявил: «Полиция на то и существует, чтобы стрелять, она стреляет и будет стрелять». Терро-ром, пытками, насилием хотели польские опричники превратить белорусский народ в колониальных рабов, но не удалось.

Рабочие и крестьяне Западной Белоруссии знали, что по ту сторону границы живут их кровные братья, сбросившие помещичий гнет и капиталистическую ка-балу. Они знали, что по ту сторону границы выросли новые фабрики и заводы, навсегда ликвидирована без-работица, крестьяне получили землю, свободно разви-вается белорусская культура, и они всеми силами стре-мились избавиться от польского ига.

К НОВОЙ ЖИЗНИ!

Незадачливые руководители польского государства ввергли народ в войну. В начавшейся германо-польской войне польское государство обнаружило свою полную несостоятельность. В течение каких-нибудь 10 дней польская армия была разгромлена. Варшава как столица Польского государства перестала существовать. Все важнейшие промышленные центры Польши были заня-ты германскими войсками.

Хвастливые паны кичились непобедимостью польской армии. Неудовлетворяясь тем, что они захватили чужие, никогда не принадлежавшие им земли, они мечтали о новых захватах, в частности о захвате Советской Ук-раины. Польские паны превратили Западную Украину и Западную Белоруссию в плацдарм для нападения на Со-ветский Союз, в военный лагерь. Здесь были построены военные укрепления, в пограничных городах и селах со-держались огромные гарнизоны. Польские паны мечта-ли о «великой Польше от моря до моря», они мечтали о походе на Москву. Ничего, кроме смеха, не могла вы-звать вся эта напыщенная болтовня. При первом же со-прикосновении с противником польская армия и Поль-ское государство рассыпались, как карточный домик.

Причина столь быстрого военного поражения Польши состоит прежде всего в том, что белорусский и украин-

ский крестьянин, одетый в форму польского солдата, не видел никакого смысла в защите панской Польши, где его так беспощадно угнетали и третировали. Трудящиеся Польши не захотели защищать грабительского, эксплуататорского государства. Германская армия не встретила даже сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны польской армии. Руководители Польского государства и армии первыми же удрали за границу, оставив народ на произвол судьбы. Такая обстановка породила хаос в стране. «В Польше создалось положение, — заявил 17 сентября тов. Молотов в своей речи по радио, — требующее со стороны Советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению.

От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белоруссов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белоруссам, населяющим Польшу».

Советское правительство приняло мудрое и справедливое решение прийти на помощь единокровным братьям — украинцам и белоруссам.

17 сентября утром части Красной Армии, согласно приказу Советского правительства, перешли границу. Красная Армия продвигалась вперед с такой быстротой, что польские офицеры не успевали даже привести в негодность военное имущество. Польские части крупными соединениями сдавались в плен частям Красной Армии. Только в отдельных городах польское офицерство оказало сопротивление, которое было немедленно подавлено. Так, бой за Вильно продолжался всего два часа. Советские мото-механизированные части стремительно продвигались вперед, очищая от офицерских банд города, деревни и леса Западной Белоруссии. Население восторженно приветствовало доблестную Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

С приходом Красной Армии освобожденная Белоруссия зажила новой жизнью. В городах создались временные городские управления из представителей командования Красной Армии, местной интеллигенции и рабочих. Эти временные управления начали быстро восстанавливать порядок в городах. Постыдно бежавшие польские власти сделали все, чтобы нарушить жизнь городов. Электростанции не работали, уличное движение было прекращено, закрылись школы, театры, магазины, фабрики, заводы, прекратили ходить трамваи, автобусы, население не было обеспечено продовольствием, кое-где не работали даже пекарни, железнодорожная, телефонная и телеграфная связь были нарушены. Временные управления быстро наладили городскую жизнь. Снабжение городов было организовано. Заработали хлебопекарни, задымились фабричные трубы, тысячи безработных получили работу. Возобновили свою работу электростанции, телеграф, восстановлена телефонная и железнодорожная связь. Созданы отряды рабочей гвардии, которые помогают установить в городах полный порядок, ликвидировать скрывшиеся офицерские банды, разоблачить провокаторов и шпионов. В школах и других учебных заведениях начались регулярные занятия. Введено преподавание на родном — белорусском языке. Начали издаваться газеты на белорусском языке. Открыты театры и кино, которые переполнены.

Вот как наводило порядок в городе временное управление города Белостока. Были немедленно созданы отделы: продовольственный, промышленный, финансовый, здравоохранения, народного образования, коммунальный, политико-просветительный и связи. Была создана рабочая гвардия в 500 человек. На всех предприятиях были созданы комитеты рабочего контроля, которые контролируют деятельность фабрикантов. Было созвано собрание фабрикантов. Председатель временного управления т. Гайсин сообщил им, что они должны немедленно пустить в ход все фабрики и заводы. Фабриканты были предупреждены, что если кто-нибудь из них нарушит это предписание, то временное управление будет штрафовать владельцев. Кроме того, фабрикантам было заявлено, что они должны выплачивать зарплату рабочим, независимо от того, пущена фабрика в ход, или нет... На следующий день фабрики заработали.

А вот что пишет корреспондент «Известий» из Вильно.

«С каждым днем в городе все более налаживается нормальная жизнь. Население обеспечено электроэнергией, водой. До прихода красных частей почти ни одно предприятие не работало. Сейчас 27 предприятий — кожаный завод, конфетная фабрика, пекарни и т. д. — приступили к работе.

На одном из крупнейших предприятий города — радиозаводе состоялось общее собрание рабочих, служащих, инженеров и техников. Выступавшие от всей души приветствовали Красную Армию и заявили, что горят желанием начать работу. Собрание обратилось с просьбой к местному управлению скорее пустить завод. Был избран заводской комитет.

Рабочая гвардия насчитывает 1 500 человек. Они самоотверженно выполняют свой долг — охраняют город, важнейшие учреждения, борются с хулиганством, спекуляцией».

«В Новогрудке, — рассказывает т. Филипенко в «Известиях», — никогда не было драматического театра. В единственном кинотеатре, вмещающем 120 зрителей, один раз в неделю демонстрировались приключенческие фильмы.

Теперь впервые жители Новогрудка видели и услышали выступления настоящих артистов. На концертах Белорусской государственной филармонии побывало свыше 25 тысяч человек. Театр функционирует 18 часов в сутки, но не в состоянии вместить всех желающих посмотреть фильм «Ленин в Октябре». Дмитрий Пхида смотрел эту картину 12 раз, и снова мы видели его в очереди у кассы. Янко Иванькевич побывал в театре 8 раз, причем он приводил в кино свою жену, Лину Дмитриевну, детей и 70-летнюю старуху мать.

По инициативе жителей в городе создана библиотека. Собрано 400 книг. Красноармейская часть подарила 250 книг. Наибольшей популярностью пользуются книги Ленина, Сталина, произведения советских писателей. На книгу «Вопросы ленинизма» записались в очередь 123 человека.

Толпы людей и в читальне. Каждая газета зачитывается до дыр.»

В деревнях создаются местные крестьянские комитеты. Сельское население принимает активное участие в

поймке помещиков, чиновников, офицеров, скрывающихся в лесах.

В некоторых местах крестьяне, слышав о приближении Красной Армии, прогнали помещиков и начали делить помещичью землю. Теперь повсюду крестьянские комитеты конфискуют помещичьи земли и делят ее среди крестьян. В первую очередь землю получают бедняки. Вот как советский писатель Катаев, побывавший на месте, описывает радость белорусских крестьян, наконец-то дождавшихся освобождения.

«...Мы видели изнанку панской Польши. Мы видели нищие белорусские деревни, серые деревянные халупы с изумрудно-бархатными подушками мха на гнилых крышах, с двумя жердями вместо забора, с чахлой рябиной у крыльца.

О восторженных встречах уже много писали. Действительно, каждого красноармейца, каждого советского человека белорусское население встречает восторженно.

В каждом селе т. Пономаренко¹ окружала толпа. Это были летучие митинги. Один единственный вопрос стоял на повестке — земля.

На лицах крестьян Западной Белоруссии лежал отблеск 1918 г., пришедшего к ним в 1939 г., т. е. через двадцать один год. Двадцать один год ждал белорусский народ этой минуты!

Теперь приступили к дележу панской земли. Приступили дружно, деловито, по-хозяйски.

В одной деревне нам рассказали такой случай.

Едва только вошли части Красной Армии, как общество постановило немедленно делить панские земли. Дело простое. Одна остановка: в деревне была всего одна землемерная лента. Тогда общество посылает делегата в соседнюю деревню за второй лентой. Делегат приходит.

— Позычьте нам землемерную ленту

— Ленту можно, берите. А зачем вам?

— Землю делить.

— Какую землю?

— Панскую.

— Да вы что, ума решились? Кто же вам позволит панскую землю делить?

¹ Тов. Пономаренко—секретарь ЦК КП(б)Б, член Военного совета фронта.

— А мы никого и спрашивать не будем. К нам Красная Армия только что пришла. Она за народ стоит

— Красная Армия? Да не может этого быть!

— Подите, посмотрите.

— Ну, в таком случае, дорогие соседи, извините, землемерную ленту вам позычить не можем.

— Почему?

— Потому что нам самим пригодится».

В деревне Дисна крестьянский комитет приступил к разделу помещичьей земли немедленно после прихода Красной Армии. Помещик Бесекирский владел здесь сотнями гектаров лучшей земли, большинство же крестьян не имело даже крохотного надела. Теперь же бездомный батрак Владимир Порожня, не имевший никаких средств к существованию, получил 10 гектаров земли, корову и кроме того был переселен со своей семьей в один из помещичьих домов. Бедняк Владимир Ворона, ранее на кабальных условиях занимавший семена у пана, получил 9,5 га земли и тоже поселен в помещичьем доме.

После создания временного управления в уездном центре — местечке Красном в деревнях немедленно организовалось 32 крестьянских комитета. Вся помещичья земля, инвентарь, скот отобраны у панов. Прежде всего наделы получили безземельные крестьяне, батраки. Из конфискованного помещичьего имущества, которое крестьяне берут на строгий учет, батраки и бедняки получают необходимый инвентарь, наделяются скотом. Строго следят за тем, чтобы не было никаких злоупотреблений и чтобы землю получили действительно батраки и беднейшие крестьяне. В деревнях развернулась огромная политическая и культурно-просветительная работа.

Освободившись от гнета польских помещиков и капиталистов, население Западной Белоруссии начинает новую жизнь. С братской помощью русского народа белоруссы, населяющие Западную Белоруссию, наконец-то воссоединились со своими братьями по эту сторону бывшей границы. Нет сомнения в том, что свободный и вольный народ, покажет чудеса трудовой доблести и трудового героизма.
